

УДК 94(47+436)"1916/1917"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/51/14

ПОЛОЖЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ РУСИНОВ И ДРУГИХ СЛАВЯН В 1916–1917 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ КАМЫШИНСКОГО КАЗЕННОГО ПИТОМНИКА)

Б.В. Колесников

Волгоградский государственный университет
Россия, 400062, г. Волгоград, пр. Университетский, 100
E-mail: boryanVolg34@mail.ru

Аннотация

В данной статье на основе документов, хранящихся в Государственном архиве Волгоградской области и ГАРФ, рассматриваются положение военнопленных русинов и представителей других славянских народов в 1916–1917 гг., использование их труда на сельскохозяйственных предприятиях. Особое внимание уделяется региональной компоненте – содержанию военнопленных славян на Камышинском казенном питомнике Камышинского уезда Саратовской губернии. Изучены условия труда и проживания, выяснено, что дешевый труд пленных иногда использовался даже в выходные и праздничные дни, имели место суровые наказания. Сделана попытка оценить этнический состав пленных. Установлено, что национальную принадлежность проследить трудно, поскольку перепись военнопленных и прочая документация велись недобросовестно. В Камышинском питомнике, как и на других предприятиях, содержались и работали вместе русины, чехи, словаки, поляки, евреи, немцы, венгры. Прослеживается влияние общероссийских политических и экономических процессов на положение военнопленных, на их численность в лагерях и сельскохозяйственных предприятиях – Камышинском и Котовском питомниках. Делается вывод о том, что тяжелое положение русинов, чехов и словаков сплотило их, способствовало их объединению. Дается оценка роли военнопленных в деятельности чехословацких национальных организаций в России и в чехословацком национальном движении. Выявляется взаимосвязь положения военнопленных славян, их политической активности и роста национального движения за создание независимых государств.

Ключевые слова: военнопленные, русины, Первая мировая война, славяне, облесение, экономика в военных условиях.

THE SITUATION OF RUSIN AND OTHER SLAVIC PRISONERS OF WAR IN 1916–1917 (A CASE STUDY OF KAMYSHIN STATE FOREST NURSERY)

B.V. Kolesnikov

Volgograd State University
100 Universitetsky Avenue, Volgograd, 400062, Russia
E-mail: boryanVolg34@mail.ru

Abstract

The paper analyses archival documents from the State Archive of Volgograd Region and the State Archive of Russian Federation to investigate the situation of Rusin and other Slavic prisoners of war in Russia in 1916–1917 and their work for agricultural enterprises. Particular attention is paid to the regional component – the conditions in which Slavic prisoners of war lived at the Kamyshin state nursery, Kamyshin district, Saratov province. The author studies the living conditions and working environment of prisoners of war to find out that they could suffer severe punishment and their cheap labour was sometimes used even on weekends and holidays. The ethnic composition of prisoners can hardly be traced due to the inaccurate census of prisoners of war and other documents. The Kamyshin forest nursery, like other enterprises, housed representatives of many nations – Rusins, Czechs, Slovaks, Poles, Jews, Germans and Magyars, who lived and worked together. The research demonstrates the influence of Russian political and economic processes on the regional situation with prisoners of war and their number in the camps and agricultural enterprises – Kamyshin and Kotovsky nurseries. The author also focuses on how the plight of the Rusins, Czechs and Slovaks rallied them and what role the role of prisoners of war played in the activities of Czechoslovak national organizations and Czechoslovak national movement in Russia. He sheds light on the interrelation of the position of Slavic prisoners of war, their political activity and the growing national movement for the independent states.

Keywords: prisoners of war, Rusins, World War I, Slavs, forestation, wartime economy.

Военнопленные славяне были одной из важнейших движущих сил в борьбе за создание национальных славянских государств в годы Первой мировой войны. Исследование положения военнопленных в 1916–1917 гг. позволяет выявить взаимосвязь ситуации на местах и общероссийских процессов.

Первая мировая война была крайне непопулярна среди русинов и других славян. Представители славянских народов, насильно одетые в военные мундиры, стали массово сдаваться в плен армиям стран Антанты или просто переходили на их сторону. Только в России насчитывалось 200–250 тыс. чешских и словацких пленных, из них примерно 100 тыс. чел. – словаки (История Словакии 2003: 22). Кроме них в плену на территории России находилось более 200 тыс. югославян, а также множество русинов, украинцев, поляков, болгар (Солнцева 2002: 144). Точные сведения о количестве русинов отсутствуют.

Военнопленные чехи, словаки, поляки, русины и представители других славянских народов направлялись на промышленные и сельскохозяйственные работы, в том числе для укрепления оврагов с помощью лесопосадок в г. Камышин.

Камышинский казенный питомник был основан в 1903 г. Константином Павловичем Красильниковым, младшим таксатором корпуса лесничих Министерства земледелия и государственных имуществ. В Камышинском уезде Саратовской губернии возникла необходимость принять меры против надвигавшихся на Камышин песков для предотвращения эрозии плодородных почв и песчаных бурь. На склонах оврагов требовалось создать для этого лесополосы. Облесение оврагов проводилось вручную, по откосам делали узкие террасы, на них высаживались деревья и кустарники.

Во время Первой мировой войны для выполнения этих работ в питомнике стали использовать военнопленных. В плену находились военнослужащие австро-венгерской и германской армии. Военнопленных славян, в том числе и русинов, направляли преимущественно в центральные и южные губернии европейской части России (Базанов 2013: 177).

Сведения о военнопленных, участвовавших в песчано-овражных работах на Камышинском казенном питомнике, сохранились в ГАВО (Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 1–118). К документам, содержащим эти сведения, относятся рапорты, предписания, отношения, циркуляры и др. Участие пленных чехов и словаков в национальном движении отражают официальные письма, содержащиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

Анализ и систематизация подобных документов сопровождаются определенными проблемами. В условиях военного времени

было затруднительно наладить и вести учет попавших в плен людей. Военнопленные отправлялись военными властями в места их размещения (лагеря или предприятия) без составления подробных именных списков. Регистрация на местах значительно упрощалась из-за отсутствия работников, знавших иностранные языки. Поэтому центральные органы, занимавшиеся учетом военнопленных, нередко не получали точных сведений с мест (Смирнов 2016: 136). Все это затрудняет истолкование документов, особенно определение национального состава пленных.

Национальная принадлежность и имена записывались с их слов, поэтому не всегда представлялось возможным разделить массу пленных на славян и представителей других национальностей. Венгерские словаки или румыны часто называли себя либо венграми, либо русинами, а поляки и словенцы – австрийцами (Нахтигаль 2014: 148). Например, пленный Даниил Блажко в одних документах упоминается как русин, а в других документах называется мадьяром (ГАВО 6: 39). Пленный Федор Денис в одном документе называется поляком, а в другом – русином (ГАВО 12: 81).

Труд военнопленных начали использовать практически с самого начала войны. В то время в сельском хозяйстве, строительстве, промышленности работали главным образом военнопленные из славянских народов, австрийцы, венгры и немцы считались менее надежными. 28 февраля 1915 г. Совет министров установил правила использования военнопленных на сельскохозяйственных работах (в том числе лесных) (ГАВО 2: 6).

Расходы по содержанию и охране военнопленных возмещались за счет чрезвычайных кредитов, ассигнованных на потребности военного времени, по нормам, установленным Военным министерством. Необходимые средства переводились по мере надобности в распоряжение губернатора (ГАВО 1: 3). Дешевый труд военнопленных в Камышинском казенном питомнике позволял значительно экономить средства на укрепление сети оврагов и за счет экономии увеличивать объем работы.

При отправке на песчано-овражные работы военнопленные переводились из ведения Военного министерства в ведение Министерства земледелия и государственных имуществ. Они передавались военным начальством в руки земских управ, которые распределяли их между предприятиями.

Начальники земских управ руководили приемом военнопленных, доставкой их на место работы, размещением, снабжением продовольствием, одеждой, оказанием врачебной помощи. Они исполняли распоряжения губернского начальства, касавшиеся надзора за плен-

ными. Общее руководство охраной военнопленных осуществляла местная полиция.

Пленные жили во временных бараках, землянках, палатках, в лучшем случае допускалось использование наемных или имевшихся казенных помещений. Жилые помещения были тесные, не приспособленные для проживания большого количества людей.

Каждый пленный имел две рубахи, две пары кальсон, одну шинель, одну тужурку, пару брюк, пару сапог, пару валенок, одну фуражку. Новые вещи выдавались только при острой необходимости, если что-то сильно изнашивалось (ГАВО 10: 60).

За работу военнопленным предусматривалось вознаграждение. Половина суммы покрывала расходы по их содержанию, а вторая половина выдавалась им в виде заработной платы и служила стимулом к работе. В случае нерадивости эта половина полностью или частично удерживалась. Денежные выдачи и удержания обязательно отмечались в рабочих книжках, имевшихся у каждого пленного (ГАВО 1: 5). Например, в декабре 1917 г. военнопленный русин Евгений Михайлечко за работу по заготовке дров получил 7 руб. 90 коп. (ГАВО 4: 13).

Циркуляром от 18 февраля 1916 г. военнопленным предоставлялся обязательный воскресный отдых, но, согласно документам, в Камышинском питомнике отдыхала лишь часть людей, другие работали. Каждое воскресенье (включая 1 января) 60 % пленных отдыхали, 40 % были заняты на работах (ГАВО 3: 9). Судя по всему, работа в питомнике организовывалась посменно. В случае нарушения дисциплины или отказа от работы пленные подвергались наказаниям и аресту. Например, упомянутый Даниил Блажко за многократный отказ от работы в феврале 1917 г. дважды находился под арестом и, наконец, был сдан в Камышинское уездное земство. Часто в качестве наказания применялось удержание заработной платы.

Количество пленных, задействованных на песчано-овражных работах, постоянно менялось. Камышинский питомник считался многочисленным. В марте 1917 г. в нем содержалось 76 чел. (ГАВО 9: 49). Поэтому, согласно документам, часть пленных переводили в Котовский казенный питомник (ГАВО 7: 45) и сдавали местному уездному земству (ГАВО 8: 45).

Вновь прибывшим в Камышинский питомник сначала предоставляли трехдневный отдых. Согласно документам, даже после отдыха многие пленные не могли сразу приступить к работам из-за плохой одежды и плохой обуви и ждали выдачи им необходимых вещей (ГАВО 9: 49).

В зимние месяцы многие болели. Например, в декабре 1916 г. половина всех пленных не принимали участие в работах из-за болезни

(ГАВО 5: 18). Распространены были простудные заболевания, многие из пленных с трудом переносили сильные морозы. На заболеваемость влияли отсутствие теплой одежды, скудное питание, недостаточное отопление жилых помещений, несвоевременное оказание медицинской помощи.

По предписанию Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) требовалось принимать меры для улучшения положения военнопленных славян с целью укрепления среди них привязанности и симпатии к России. Но данное предписание не получило надлежащего исполнения. В жалобах пленных отмечались издевательства над русинами и другими славянами за чешские и русофильские убеждения, грубое и унижительное, доходящее до побоев обращение (ГАВО 15: 92). Кроме того, были жалобы на изнурительные работы, плохое питание, несоблюдение санитарных требований, недостаток одежды, белья и обуви, отсутствие необходимого медицинского обслуживания, принудительное привлечение больных и слабосильных к работам, низкий уровень заработной платы и задержку ее выдачи. Пленные возмущались, что им запрещали получать газеты, игнорировали их просьбы, отказывали в отправке родным сообщений, о чем свидетельствуют содержащиеся в архивных материалах неотправленные письма. Они протестовали против совместного содержания в лагере славян и враждебно настроенных к ним немцев и мадяров. Согласно документам, так было и в Камышинском питомнике, где работали вместе немцы, поляки, венгры, русины, чехи, евреи (ГАВО 12: 81). В России к 1917 г. насчитывалось более 400 лагерей для австро-венгерских военнопленных, отдельных лагерей для славянских народов не существовало (Остроухов 2011: 19).

В 1916 г. положение военнопленных было тяжелым, но в первые два года войны оно было гораздо хуже. Тогда царил произвол в отношении пленных, никто не заботился об их обеспечении питанием, жильем, одеждой, их труд вообще не оплачивался, они нередко работали вместе с уголовниками (Смирнов 2016: 137). Российскими властями было сделано крайне мало для улучшения бытовых условий жизни русинов и чехословацких военнопленных в лагерях европейской части страны. Благодаря принятию ряда правительственных постановлений об использовании пленных на работах и деятельности земств наметилось относительное улучшение положения военнопленных в 1916 и начале 1917 г. Однако революционные события 1917 г. повлекли за собой новые изменения в жизни пленных – и отнюдь не в лучшую сторону.

До июня 1917 г. на содержание и охрану военнопленных в Камышинском казенном питомнике выделялось из казны по 10 руб.

В дальнейшем на положение пленных повлияли политические события и углублявшийся экономический кризис. Значительно сократились денежные средства на их содержание. 16 мая 1917 г. заведующему Саратовским песчано-овражным округом было отказано в переводе в его распоряжение до 40 тыс. руб. на содержание и окарауливание военнопленных в связи с неимением таких сумм (ГАВО 11: 79).

Согласно документам, требовалось уменьшить число военнопленных, занятых на работах (ГАВО 11: 78–79). В Камышинском питомнике остались работать 12 чел. (ГАВО 13: 85). Остальные из Камышинского казенного питомника были отданы в распоряжение Камышинской уездной земской управы.

Например, 11 июня из Камышинского питомника были отправлены русин Евгений Михалечко 23 лет, поляк Карл Кавалек 40 лет, поляк (предположительно русин) Антон Мазяш 38 лет, русин Федор Денис 33 лет, немец Георг Гуммель 40 лет, немец Карл Фляйшер 34 лет, немец Иоган Риб 41 года, немец Вендемин Ляммер 29 лет, еврей Мартон Блюм 24 лет, мадьяр Теодор Ваймула 31 года, мадьяр Иштван Варга 34 лет, мадьяр Иштван Балаш 35 лет, мадьяр Лаюш Дерфи 35 лет (ГАВО 12: 81).

Подобную картину сокращения численности занятых на работах пленных дает и общероссийская ситуация. Всего, по неполным данным, в России на 1 апреля 1917 г. работало 1 648 317 пленных, на 1 июля 1917 г. – 1 000 241, на 1 октября 1917 г. – 895 491 пленный (Смирнов 2016: 137).

Ухудшение материального положения военнопленных в России, занятых на различных работах, вызвало увеличение числа побегов. Этому способствовали небрежное отношение руководителей работ и беспорядочность железнодорожного движения. Серьезной проблемой в лагерях стал массовый отказ военнопленных от работы. В связи с этим ГУГШ потребовало от Министерства земледелия принять строгие меры по усилению наблюдения за ними. Меры воздействия на непокорных военнопленных, занятых на принудительных работах, ужесточились. Бунтовавших и недовольных отправляли в ближайшие лагеря, где был самый суровый режим и применялись строгие наказания (ГАВО 17: 100).

Наиболее сложные условия проживания были в Тоцком лагере и лагере «Царицын» (Остроухов 2011: 25). Там пленных отправляли на самые тяжелые работы, селили в переполненных, развалившихся бараках.

В июле 1917 г. Центральный комитет по делам военнопленных при главном управлении Российского общества Красного Креста постановил клеймить одежду пленных солдат (но не офицеров). Знак

«В.П.» должен был ставиться на левом рукаве масляной краской. Это было принято из-за того, что подобное практиковалось в Германии и Австро-Венгрии (ГАВО 14: 89). Нанесение клейма на одежду подлежало обязательному исполнению. Военнопленных, не имевших клейма, следовало отправлять в лагерь.

Интересно, что среди военнопленных русины были представлены в основном рядовым составом, офицеров среди них было очень мало. Это объясняется слабой лояльностью русинов по отношению к Австро-Венгрии (Суляк 2016: 76). Так было и в Камышинском питомнике, где не находилось ни одного профессионального военного и где трудились в основном бывшие рядовые. В то же время известно, что там содержались офицеры и унтер-офицеры, в том числе и русины. Даниил Блажко был фельдфебелем (ГАВО 6: 39), а Евгений Михалечко – младшим унтер-офицером (ГАВО 12: 81).

Согласно предписанию ГУГШ, военнопленных австрийской армии, умерших в русских лагерях, хоронили подобающим образом с указанием на могиле имени, фамилии и религии. Решение об этом было принято после соответствующего ходатайства австро-венгерского правительства через особый комитет помощи военнопленным (ГАВО 16: 94).

Сокращение средств на содержание военнопленных в Камышинском питомнике и на других предприятиях обострило многие проблемы. Военнопленных, освобожденных от трудовых обязанностей, стали передавать в распоряжение Военного министерства, привлекать к работам оборонного характера. По распоряжению ГУГШ военнопленные, подлежавшие отправке в концентрационные пункты, по своему желанию могли вступать в различные добровольческие формирования. Стимулом для этого должно было служить разрешение Временного правительства от 17 июня 1917 г. принимать русское подданство, вступать в русскую армию или добровольческие формирования. Для этого требовались подача личного заявления, наличие рекомендации от начальника части и поручительство от национальной славянской организации (Солнцева 2002: 145).

Крупнейшими добровольческими формированиями, созданными в России из военнопленных-славян, были Чешская дружина (с февраля 1916 г. – стрелковый полк, с июня 1917 г. – дивизия, с сентября – Чешско-словацкий корпус), Польский запасный стрелковый полк, 1-я Польская стрелковая дивизия (с июня 1917 г. – 1-й Польский корпус легионеров) и сербские дивизии (сведенные в 1917 г. в Югославянский добровольческий корпус). В общей сложности в со-

ставе этих корпусов было не менее 100 тыс. чел. Создавались также и другие, более мелкие части и подразделения из военнопленных славян. Таким образом, каждый седьмой-восьмой пленный славянин добровольно вступил в воинские формирования в составе русской армии, чтобы с оружием в руках бороться за независимость своей родины (Базанов 2013: 182).

Активно проявили себя патриоты из числа военнопленных русинов. Они вступали в ряды Чехословацкого корпуса, в составе которого была сформирована Карпаторусская дивизия, набранная из добровольцев из Галиции и Подкарпатской Руси (Суляк 2006: 54).

Чехи и словаки были активно вовлечены в чехословацкое движение в стране. Об этом свидетельствуют официальные письма, приходившие министру иностранных дел П.Н. Милюкову от организаций чехословацких военнопленных из Тобольской, Екатеринославской, Новгородской, Черниговской губерний (ГАРФ: 1). Прислала свое письмо и Царицынская организация (Обращение организации 2013: 674–675). Все они осуждали деятельность Й. Дюриха, прибывшего ранее в Россию для урегулирования военных и политических вопросов, и просили поддержать создание в России отделения Чехословацкого национального совета. Такая широкая политическая активность организаций военнопленных была вызвана, на наш взгляд, усилиями М.Р. Штефаника и его сторонников, которые содействовали вовлечению военнопленных чехов и словаков, а вместе с ними и русинов в национальное движение и формированию из их числа Чехословацкого корпуса. Тяжелый труд, плохие условия жизни, несправедливость в решении своих проблем стали тем стимулом, который привлекал военнопленных к участию в национальном движении.

В дальнейшем усилившаяся разруха снова изменила положение военнопленных. Большевистский переворот в октябре 1917 г. повлек за собой резкое ухудшение надзора за пленными, обеспечения их продуктами питания. Многие стали бросать свои рабочие места и переселяться в западные губернии (Нахтигаль 2014: 151). Органы управления пленными остались лишь на местном уровне, во внутренних районах с большим сосредоточением пленных, каким был, например, Казанский военный округ, на территории которого располагался Камышинский питомник.

Таким образом, в 1916–1917 гг. на песчано-овражных работах в Камышинском казенном питомнике были задействованы военнопленные австро-венгерской и германской армий. Условия труда были тяжелые, порой изнурительные, бытовые условия – недостаточные, что вызывало многочисленные жалобы. Русины и представители других

славянских национальностей находились рядом с пленными немцами, часто терпели унижения. Все это вызывало возмущение, протесты. Неоднократно в документах регистрировались случаи неповиновения, отказа от работы, наказания пленных. Обострение политической и экономической ситуации в стране неизбежно привело к сокращению средств на содержание военнопленных. Многие работы, в которых они принимали участие, были свернуты. Значительно уменьшилось число пленных и в Камышинском питомнике.

Трудное положение военнопленных русинов, чехов и словаков сплотило их ряды, способствовало их объединению, вовлечению в чехословацкое движение. Из освобожденных от работ пленных чехов и словаков стали формироваться отряды. Они впоследствии стали частью армии нового государства – Чехословакии, в состав которого вошли также земли Подкарпатской Руси, населенные русинами. Галицкая Русь отошла к Польше, Буковина перешла под власть Румынии, некоторая часть русинов осталась на территории Венгрии.

ЛИТЕРАТУРА

Базанов 2013 - *Базанов С.Н.* Военнопленные-славяне в России в годы Первой мировой войны // Труды Института российской истории. Вып. 11. Российская академия наук, Институт российской истории / отв. ред. Ю.А. Петров; ред.-коорд. Е.Н. Рудая. М., 2013. С. 171–184.

ГАВО 1 - *Государственный архив Вологодской области* (далее ГАВО). Циркулярное распоряжение главы Управления землеустройства и земледелия 22 апреля 1915 г. начальникам Управлений земледелия и государственных имуществ, заведующим переселенческими районами и начальникам работ и изысканий // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 3–5.

ГАВО 2 - Положение Совета министров от 28 февраля 1915 г. // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 6.

ГАВО 3 - Сведения о военнопленных состоявших на п-о. работах на Камышинском казенном питомнике в январе 1917 г. // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 9.

ГАВО 4 - Предписание // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 13.

ГАВО 5 - Сведения о военнопленных, состоявших на песчано-овражных работах на Камышинском казенном питомнике в декабре 1916 г. // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 18.

ГАВО 6 - Именной список военнопленного Даниеля Бляжка. ГАВО // Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 39.

ГАВО 7 - Рапорт 30 декабря 1916 г. // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 11, 45.

ГАВО 8 - Предписание заведующему Камышинским песчано-овражным районом. Март 1917 г. // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 45.

ГАВО 9 - Сведения о военнопленных за март 1917 г. // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 49.

ГАВО 10 - Арматурный список военнопленных // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 60.

ГАВО 11 - Предписание заведующему Камышинским песчано-овражным районом // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 78–79.

ГАВО 12 - Именной список военнопленных австрийцев, откомандированных 11 июня 1917 г. из Камышинского казенного питомника в распоряжение Камышинской уездной земской управы // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 81.

ГАВО 13 - Сведения о военнопленных, состоявших на Камышинском казенном питомнике в июне 1917 г. // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 85.

ГАВО 14 - Телеграмма // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 89.

ГАВО 15 - Телеграмма ГУГШ 4 мая 1917 г. // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 92.

ГАВО 16 - Предписание ГУГШ 26 июля 1917 г. // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 94.

ГАВО 17 - Циркулярная телеграмма от 19 апреля 1917 г. // ГАВО. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 100.

ГАРФ - Государственный архив Российской Федерации. Ф. 579. Оп. 1. Ед. хр. 1592–1595.

История Словакии 2003 - История Словакии / под ред. Ю.В. Богданова. М.: Евролинц, 2003. 436 с.

Нахтигаль 2014 - *Нахтигаль Р.* Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // *QUAESTIO ROSSICA*. 2014. № 1. С. 142–156.

Остроухов 2011 - *Остроухов А.И.* Военнопленные чехи и словаки в России периода Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 32 с.

Смирнов 2016 - *Смирнов Ю.И., Скрипникова М.И.* Военнопленные на территории России в годы Первой мировой войны // *Вестник Международного института экономики и права*. 2016. № 1 (22). С. 135–139.

Солнцева 2002 - *Солнцева С.А.* Военнопленные в России в 1917 г. (март–октябрь) // *Вопросы истории*. 2002. № 1. С. 143–149.

Суляк 2006 - *Суляк С.Г.* Русины в период Первой мировой войны и русской смуты // *Русин*. 2006. № 1 (3). С. 46–65.

Суляк 2016 - *Суляк С.Г.* Русины в воспоминаниях участников Великой войны // *Русин*. 2016. № 2 (44). С. 73–92. DOI: 10.17223/18572685/44/6

Чешско-словацкий корпус 2013 - Обращение организации чешско-словацких военнопленных офицеров и солдат г. Царицына к министру иностранных дел П.Н. Милюкову // Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1: Чешско-словацкие военные формирования в России. 1914–1917 гг. М.: Новалис, 2013. С. 674–675.

REFERENCES

Bazanov, S.N. (2013) Voennoplennyye-slavyane v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny [Slavic prisoners of war in Russia during WWI]. In: Petrov, Yu.A. (ed.) *Trudy Instituta rossiyskoy istorii* [Proceedings of the Institute of Russian History]. Issue 11. Moscow: RAS. pp. 171–184.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (1915a) *Tsirkulyarnoe rasporyazhenie glavy Upravleniya zemleustroystva i zemledeliya 22 aprelya 1915 g. nachal'nikam Upravleniy zemledeliya i gosudarstvennykh imushchestv, zaveduyushchim pereselencheskimi rayonami i nachal'nikam rabot i izyskaniy* [Circular Order of Head of the Department for Land Management and Agriculture of April 22, 1915, to the heads of the Directorate of Agriculture and State Property, the head of the resettlement districts and the chiefs of work and research]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 3–5.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (1915b) *Polozhenie Soveta ministrov ot 28 fevralya 1915 g.* [The position of the Council of Ministers of February 28, 1915]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 6.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (1917a) *Svedeniya o voennoplennyykh sostoyavshikh na p-o. rabotakh na Kamyshinskom kazennom pitomnike v yanvare 1917 g.* [Information on prisoners of war on works at the Kamyshin state forest nursery in January 1917]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 9.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (n.d.) *Predpisanie* [Prescription]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 13.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (1916a) *Svedeniya o voennoplennyykh, sostoyavshikh na peschano-ovrazhnykh rabotakh na Kamyshinskom kazennom pitomnike v dekabre 1916 g.* [Information on prisoners of war on anti-erosion works at the Kamyshin state forest nursery in December 1916]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 18.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (n.d.) *Imennoy spisok voennoplennogo Danielya Blyazhka* [The nominal roll of the prisoner of war Daniel Bljazhek]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 39.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (1916b) *Raport 30 dekabrya 1916 g.* [Report on December 30, 1916]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 11, 45.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (1917b) *Predpisanie zaveduyushchemu Kamyshinskim peschano-ovrazhnym rayonom. Mart 1917 g.* [Order to the Head of the Kamyshin sand and ravine area. March 1917]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 45.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (1917c) *Svedeniya o voennoplennyykh za mart 1917 g.* [Information on prisoners of war for March 1917]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 49.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (n.d.) *Armaturnyy spisok voennoplennykh* [Camping gear list of prisoners of war]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 60.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (n.d.) *Predpisanie zaveduyushchemu Kamyshinskim peschano-ovrazhnym rayonom* [Order to the Head of Kamyshin sand-ravine area]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 78–79.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (1917d) *Imennoy spisok voennoplennykh avstriytsev, otkomandirovannykh 11 iyunya 1917 g. iz Kamyshinskogo kazennogo pitomnika v rasporyazhenie Kamyshinskoy uездной земской управы* [Nominal roll of Austrian prisoners of war seconded on June 11, 1917 from the Kamyshin state forest nursery to the disposal of the Kamyshin Uezd Zemstvo]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 81.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (1917e) *Svedeniya o voennoplennykh, sostoyavshikh na Kamyshinskom kazennom pitomnike v iyune 1917 g.* [Information about prisoners of war at the Kamyshin state forest nursery in June 1917]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 85.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (n.d.) *Telegramma* [Telegram]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 89.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (1917f) *Telegramma GUGSh 4 maya 1917 g.* [Telegram of the Main Intelligence Directorate on May 4, 1917]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 92.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (1917g) *Predpisanie GUGSh 26 iyulya 1917 g.* [Prescription of the Main Intelligence Directorate on July 26, 1917]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 94.

The State Archives of Vologda Region (GAVO). (1917h) *Tsirkulyarnaya telegramma ot 19 aprelya 1917 g.* [Circular telegram of April 19, 1917]. Fund 276. List 1. File 27. pp. 100.

The State Archives of the Russian Federation. (n.d.) Fund 579. List 1. File 1592–1595.

Bogdanov, Yu.V. (2003) *Istoriya Slovakii* [History of Slovakia]. Moscow: Evrolints.

Nachtigal, R. (2014) Prisoners of War in Russia during World War I. *QUAESTIO ROSSICA*. 1. pp. 142–156 (In Russian).

Ostroukhov, A.I. (2011) *Voennoplennyye chekhi i slovaki v Rossii perioda Pervoy mirovoy voyny* [Czechs and Slovaks prisoners of war in Russia during WWI]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.

Smirnov, Yu.I. & Skripnikova, M.I. (2016) Voennoplennyye na territorii Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny [Prisoners of war in Russia during WWI]. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ekonomiki i prava*. 1(22). pp. 135–139.

Soltseva, S.A. (2002) Voennoplennyye v Rossii v 1917 g. (mart–oktyabr') [Prisoners of war in Russia in 1917 (March–October)]. *Voprosy istorii*. 1. pp. 143–149.

Sulyak, S.G. (2006) Rusiny v period Pervoy mirovoy voyny i russkoy smuty [Rusins during WWI and the Russian Troubles]. *Rusin*. 1(3). pp. 46–65.

Sulyak, S.G. (2016) Rusiny v vospominaniyakh uchastnikov Velikoy voyny [Rusins in the memoirs of the participants of the Great war]. *Rusin*. 2 (44). pp. 73–92 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/44/6

Artizov, A. et al. (eds) (2013) *Cheshsko-slovatskiy (Chekhoslovatskiy) korpus. 1914–1920. Dokumenty i materialy* [Czech-Slovak (Czechoslovak) corps. 1914–1920. Documents and materials]. Vol. 1. Translated from Czech by N. Kiselkova et al. Moscow: Novalis. pp. 674–675.

Колесников Борис Валерьевич – аспирант кафедры международных отношений, политологии и регионоведения Института истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета (Россия).

Boris Kolesnikov – Volgograd State University (Russia).

E-mail: boryanVolg34@mail.ru